

«Когда я была студенткой, не думала, что меня занесет в барокко. Но попав в агентство, которое специализируется только на нем, я была поражена: так много там оказалось красивейшей музыки»

ТРИУМФ СМЕЛОСТИ

Диляра Идрисова о башкирских песнях, после которых не страшно и барокко, о спартанском обучении и о том, как подготовиться к везению

Т ТЕКСТ \ Ирина Залогина

«Принцесса барокко», народная артистка Республики Башкортостан, за плечами которой Гран-при международных конкурсов во Франции и Италии, золотые медали X молодежных Дельфийских игр России и XIII Дельфийских игр стран СНГ, награды Национальной оперной премии «Онегин» и театральной премии «Золотая маска», 19 ноября впервые даст сольный концерт в родной Уфе.

Вы много лет работаете в Башкирском государственном театре оперы и балета, но у вас ни разу не было сольного концерта в родном городе. Как так? Если честно, для меня это тоже загадка. В Уфе у меня есть некоторое количество спектаклей, а вот концертная деятельность у нас не так развита. Нынешний сольный концерт организует Елена Харакидзян, благодаря которой эта программа возникла и продолжает жить, — она уговорила меня рискнуть, мне-то кажется, что это очень большая нагрузка и ответственность.

В чем же риск?

Я думаю, что в театральных спектаклях, где много участников и ты только часть чего-то большого, артисту немного легче. А в сольном концерте ты один и предстаешь перед публикой как будто нагим. Для меня сольное выступление — как экзаме́н. Каждый раз это вызов, и чтобы принять его, нужна большая смелость.

Программа концерта называется «Только Гендель». Из чего она состоит? В ней собраны арии из опер «Геракл», «Агриппина», «Юлий Цезарь» и оратории «Мессия» — эту программу мы впервые представили с пианистом Лукасом Генюшасом на открытии VI фестиваля «Опера Априори» и сейчас исполняем с Яковом Кацнельсоном.

За последние 10 лет стало гораздо больше коллективов и исполнителей музыки барокко. Есть ли у вас желание двигаться куда-то в другую сторону? Действительно, когда я начинала в 2014 году, эта музыка была совсем

не так популярна, а сегодня даже в Большом ставят барочную оперу. Недавно Дмитрий Синьковский предложил мне роль Красоты в «Триумфе времени и разочарования» Генделя. Эта музыка мне очень близка, я в ней нахожу глубинную красоту и бесконечные открытия и хотела бы продолжать развиваться в этом направлении.

А если говорить о том, чего мне хотелось бы еще, — это башкирские народные песни. Я абсолютная фанатка наших песен, они невероятно разнообразные и сложные, с диапазоном в две с половиной октавы и огромным количеством мелизмов, которые, возможно, и подготовили меня к барокко. Кстати, моя бабушка считалась лучшей исполнительницей башкирских народных песен, я тоже начинала с них в школе.

Ваша бабушка — профессиональная певица, а мама всю жизнь работала на телевидении и делала передачи о классической музыке. Они участвовали в вашем обучении и карьере?

Я окончила музыкальную школу как пианистка, но быть пианисткой никогда не хотела. Я всегда пела, и мама уговорила моего будущего педагога, Миляушу Галеевну Муртазину, взять меня в ее класс. Она сначала отказывалась: «Я не беру учиться детей известных людей, это накладывает слишком большую ответственность». И здесь важно рассказать, что моя бабушка Нажия Аллаярова — оперная певица, народная артистка Башкирии — тоже училась у Муртазиной, когда та была еще молодым начинающим педа-

гогом. И мою маму бабушка потом назвала в честь профессора Муртазиной — Миляуша. В итоге я все же попала к ней в класс и абсолютно уверена, что все, чего я достигла, — это благодаря ей. Но Муртазина никогда не пускала ни маму, ни бабушку в класс, когда я занималась, — все обучение в академии оставалось за ширмой от семьи. А когда я захотела поступать в аспирантуру и учиться дальше у Миляуши Галеевны, она сказала: «Я дала тебе все, что могла, иди дальше». И посоветовала ехать в Москву поступать в консерваторию.

Миляуша Галеевна всегда, со всеми студентами, старалась прежде всего построить технику, и именно за счет техники человек не выезжал на природных данных, а опирался на правильную базу. Благодаря этому можно петь долго, голос не портится, потому что технически все выстроено верно. И еще она давала основы психологической готовности к оперной карьере. Мы в ее классе всегда много и долго готовились, постоянно участвовали в конкурсах, потому что это и развитие, и новые возможности.

В одном интервью вы говорите:

«Я привыкла к критике, меня все время критикуют». Вас правда всегда критиковали? И как вы на это реагировали?

Я не привыкла к похвале, а вот когда меня критикуют — мне кажется, это нормально, способствует росту. Когда Галина Алексеевна Писаренко, мой педагог в консерватории, говорила на уроке «молодец!», я в этот момент всегда думала: а что дальше? В противовес этому самая большая похвала от Миляуши Галеевны была: «Ну, ничего, ничего. Еще куча проблем, но ладно». И это после того, как я сдала выпускной экзамен на пять с плюсом.

Может быть, сегодняшние молодые люди сочли бы такое отношение абьюзивным и обидным, →

но если ты вырос в спартанских условиях класса Муртазиной, тебе проще адаптироваться потом в профессии. Мы все, кто учился у Муртазиной, – Ильдар и Аскар Абдразаковы, Альфия Каримова, другие ребята помоложе – понимаем, что ее жесткая школа много пользы принесла нам потом в театре. Например, однажды перед зачетом Муртазина мне говорит: «Завтра будешь петь другие романсы, не те, что мы готовили». Я отвечаю: «Но как, я же их не знаю?» – «А ночью ты что будешь делать? Вся ночь впереди!» Или накануне госэкзамена, где я должна была петь восемь арий, сообщает: «Диляра, давай ты споешь еще одну, дополнительную». Так что сегодня, когда в театре случаются экстренные ситуации, я все время вспоминаю своего педагога – так или иначе что-то подобное уже происходило во время учебы.

Год назад я летала в Оман на оперу России «Брачный вексель», куда вводилась в очень короткий срок. Я оставила дома ребенка, ему только что исполнился годик. Вся команда – итальянцы, разговаривать приходилось на английском и в партитуре надо было много чего очень быстро запомнить. Режиссер, я видела, был мною недоволен, один лишь дирижер изредка мне улыбался, давая надежду, что все не совсем плохо. Только благодаря школе Муртазиной я это выдержала.

Педагог мне говорит: «Завтра будешь петь другие романсы, не те, что мы готовили». – «Но как, я же их не знаю?» – «У тебя вся ночь впереди!»

Как вы выбираете костюмы для выступлений?

Я сотрудничаю с дизайнерами одежды Айгуль Гайнетдиновой и Венерой Лутовой из Уфы. Однажды Айгуль предложила образ, который меня поначалу даже шокировал. В этом виде я вышла на сцену в первый раз в Вене, где мы пели с Максом Ценчи-чем, и он тогда заценил мой наряд: черные брюки, сверху юбка-сетка и полупиджак с малиновой вставкой. Сначала показалось, что для оперы это слишком дерзкий вид, но по-

Диляра Идрисова не ограничивается барочным репертуаром – на сцене Башкирского государственного театра оперы и балета она поет Марфу (на фото) в «Царской невесте», Беатриче в опере Мартынова *Vita Nuova* и Церлину в «Дон Жуане» Моцарта

том мне так понравилось, что теперь я стараюсь выступать не в классических платьях, а в специально придуманных нарядах – скажем, комбинезон и юбка-сетка.

В вашей биографии обширный список коллабораций с зарубежными театрами и проектами. Вы изначально были нацелены на международные конкурсы или здесь велик элемент случайности?

Когда я окончила академию, у меня были пятерки с плюсом по всем госэкзаменам, но в Уфе меня не взяли ни в оперный театр, ни в филармонию. К сожалению, почему-то так происходит: именно в родном городе не замечают, что ты готов работать. Сначала нужно где-то еще засветиться, прежде чем на тебя обратят внимание дома.

Я уехала прослушиваться в Челябинский оперный театр, спела каватину Людмилы из «Руслана и Людмилы», и меня пригласили туда солисткой на эту роль. Но в Челябинском театре, даже когда не было спектаклей, требовалось просто приходить на работу и отмечаться. Мне это казалось бесполезным, и как раз там я поняла, что сидеть на попе ровно – не вариант. Но при этом, когда я поехала на Дельфийские игры СНГ и получила золотую медаль, я не решилась рассказать об

этом в театре, опасаясь, что мне объявят выговор за самовольный отъезд. А когда поступила на бюджет в аспирантуру Московской консерватории, в Челябинском театре сказали: «Либо ты остаешься здесь, либо увольняешься и уезжаешь». И я выбрала Москву: опять без работы, опять студентка.

А уже в Москве пришла с моей подругой Альбиной Латиповой на мастер-класс по барокко и спела там генделевскую арию Клеопатры из «Юлия Цезаря». Меня услышала руководитель вокального ансамбля *Intrada* Екатерина Антоненко и после мастер-класса взяла у меня номер телефона. Она рассказала обо мне своему брату Михаилу Антоненко, пианисту и дирижеру. С ним мы потом много выступали вместе: и на конкурсе в Тулузе, и на конкурсе Образцовой в Петербурге. Именно Миша отправил мои записи в Вену, в агентство *Parnassus Arts Productions*, и там сказали, что если я быстро выучу две арии и приеду к ним на прослушивание, возможно, они мою кандидатуру рассмотрят. И я выучила эти арии, полетела прослушиваться в Афины, заменила в итоге другую певицу. Под лежащий камень вода не течет, и даже к везению нужно быть готовым.